

Научная статья

УДК 94 (470.6)''18''

<https://doi.org/10.37493/2409-1030.2025.3.7>

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ГОРСКИХ НАРОДОВ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА В ТВОРЧЕСКОМ НАСЛЕДИИ Д. А. МИЛЮТИНА

Татьяна Александровна Колосовская^{1*}, Сергей Андреевич Сурай²

^{1, 2} Северо-Кавказский федеральный университет (д. 1, ул. Пушкина, Ставрополь, 355017, Российская Федерация)

¹ Доктор исторических наук, доцент
tkolosovskaia@ncfu.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6770-7711>

² Лаборант
sergey09112003@icloud.com, <https://orcid.org/0009-0001-9618-8823>

* Автор, ответственный за переписку

Аннотация. Введение. «Открытие» Кавказа в ходе присоединения и интеграции региона в государственное пространство Российской империи является одним из актуальных направлений в отечественной и зарубежной историографии. Его активными участниками были военные, среди которых выделяется фигура известного деятеля XIX в. Д.А. Милютин. **Материалы и методы.** Описание народов Северного Кавказа нашло отражение в его трудах военно-статистического и историко-этнографического характера. Наряду с опубликованными сочинениями в статье активно используются заметки, подготовленные им в конце 1830-х – 1840-е гг. по итогам службы в Отдельном Кавказском корпусе и хранящиеся сейчас в Научно-исследовательском отделе рукописей Российской государственной библиотеки. Их анализ с позиций исторической имагологии позволил понять и объяснить особенности репрезентации Милютиным северокавказских горцев. **Анализ.** Будучи профессиональным военным, он изучал этнические особенности Северного Кавказа с практической точки зрения, для решения текущих задач. В фокусе его рассмотрения оказались горские народы, их общественное устройство, социальные и бытовые особенности, духовная культура, традиции и менталитет. Ему удалось показать этническое многообразие жителей Кавказа, с учетом которого империя могла искать средства утверждения своего влияния в регионе. **Результаты.** Как и большинство военных авторов своего времени Милютин не избежал стереотипных представлений о горцах, а созданный им образ «другого» показывал их в качестве противников утверждения российского присутствия в регионе. Заслуга Милютина в том, что свои

ми кавказскими нарративами он готовил почву для постепенного перехода от представления о горцах как о врагах к принятию их в качестве новых подданных империи. Активно развивающаяся служебная карьера Милютина не позволила ему реализоваться как ученому. Тем не менее, собранные им сведения о северокавказских горцах вошли в состав той эмпирической базы, на основе которой в дальнейшем стало развиваться этнографическое направление отечественного кавказоведения.

Ключевые слова: Д. А. Милютин, Северный Кавказ, Российская империя, кавказоведение, этнография, интеграция, горцы

Для цитирования: Колосовская Т. А., Сурай С. А. Репрезентация горских народов Северного Кавказа в творческом наследии Д. А. Милютина // Гуманитарные и юридические исследования. 2025. Т. 12. № 3. С. 409–419. <https://doi.org/10.37493/2409-1030.2025.3.7>

Конфликт интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Вклад авторов: все авторы внесли равный вклад в подготовку публикации.

Благодарности: исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 25-28-00152, <https://rscf.ru/project/25-28-00152/>

Статья поступила в редакцию: 14.02.2025.

Статья одобрена после рецензирования: 15.04.2025.

Статья принята к публикации: 25.06.2025.

Research article

REPRESENTATION OF THE MOUNTAIN PEOPLES OF THE NORTH CAUCASUS IN THE HERITAGE OF D. A. MILYUTIN

Tatiana A. Kolosovskaya^{1*}, Sergey A. Suray²

^{1, 2} North-Caucasus Federal University (1, Pushkina St., Stavropol, 355017, Russian Federation)

¹ Doctor. Sc. (History), Associate Professor
tkolosovskaya@ncfu.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6770-7711>

² Laboratory assistant
sergey09112003@icloud.com, <https://orcid.org/0009-0001-9618-8823>

* Corresponding author

Abstract. Introduction. The Caucasus “exposure” as an imperial subject in the process of acquisition of the region looks to be one of the significant issues of modern history studies. The Russian ranks and files, including D.A. Milyutin – the gifted serviceman of the XIX c. – were its active participants. **Materials and methods.** The description of the North Caucasus peoples was set in the papers of a military-statistical and historical-ethnographic character. Together with the articles, we use some manuscripts written by D.A. Milyutin in the late 1830s – 1840s whilst his Caucasus Corps service and now kept in the Scientific Research Department of Manuscripts of the Russian State Library. The analysis from the point of historical

imagology helps to understand and explain the plot of Milyutin way of the North Caucasian highlanders representation. **Analysis.** As a professional serviceman, he studied the North Caucasus peoples’ ethnic characteristics of from some practical point. The focus of his examination was on mountain dwellers, include their social structure and everyday characteristics, culture, traditions and mentality. He managed to show the ethnic diversity of the Caucasus inhabitants, taking into consideration the point of extending the Russian empire influence in the region. **Results.** Like most military authors then, Milyutin followed the stereotypical ideas about the highlanders. The image of the “Other” he created, showed them as the nuisance of the

Russian presence in the region. Milyutin's merit is that by the Caucasian narratives he prepared the ground for a gradual shift from the idea of "the highlanders as enemies" to their acceptance as "new subjects of the Empire". Milyutin's rapidly developing military career did not allow to expose himself as a scientist. Anyway, the information he collected about the North Caucasus highlanders formed a part of the empirical base for the ethnographic direction of Russian Caucasian studies developing subsequently.

Keywords: D. A. Milyutin, North Caucasus, Russian Empire, Caucasus studies, ethnography, integration, highlanders

For citation: Kolosovskaya TA, Suray SA. Representation of the mountain peoples of the North Caucasus. Humanities and law

research. 2025;12(3):409-419. (In Russ).
<https://doi.org/10.37493/2409-1030.2025.3.7>

Conflict of interest: the authors declare no conflicts of interests.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.

Acknowledgments: the study has been funded by the Russian Science Foundation, № 25-28-00152, <https://rscf.ru/project/25-28-00152/>

The article was submitted: 14.02.2025

The article was approved after reviewing: 15.04.2025.

The article was accepted for publication: 25.06.2025.

Введение. Введение. Кавказ занимал уникальное положение на этнической карте Российской империи. «...Нигде, на таком же пространстве, нельзя встретить столько разнообразия в чертах лица, в характере, религии, нравах, обычаях, как в этих народах, представляющих глазам путешественника такую чудную смесь», – делился своими путевыми впечатлениями побывавший на Кавказе в 1843 г. писатель барон А. Гакстгаузен [3, с. 288]. Значительные усилия, которые предпринимала тогда империя для закрепления в регионе, сопровождались постепенным накоплением знаний о местном населении, его быте и традициях. По мере умиротворения края формировался корпус текстов (статистические описания, записки, травелоги, литературные сочинения и др.), которые отражали восприятие края в России.

Процесс «открытия» Кавказа активно изучается в последние десятилетия отечественной и зарубежной исторической наукой [1, 5, 25]. Наряду с исследовательскими статьями из печати выходят документальные сборники, позволяющие увидеть и понять особенности восприятия кавказской окраины империи современниками и порой непосредственными участниками процесса присоединения и интеграции региона в общеимперское государственное пространство [19]. Эти работы показывают, что формирование представлений о Кавказе и его народах происходило при активном участии военных. Одним из них был Дмитрий Алексеевич Милютин (1816–1912) – выдающийся государственный деятель и, по меткой оценке историка Е. В. Тарле, лучший военный министр, которого когда-либо знала императорская Россия [20, с. 42].

Начало служебной карьеры Д. А. Милютина оказалось непосредственно связано с Кавказом, где ему суждено было провести (с перерывами) более 20 лет, с 1839 г. по 1861 г. Первый раз он был командирован в регион в 1839 г. молодым офицером для получения боевого опыта. В 1843–1844 гг. Дмитрий Алексеевич занимал должность начальника штаба войск Кавказской линии и Черномории. Собранные тогда сведения о регионе пригодились ему для разработки учебного курса по военной статистике Кавказа, который он преподавал в Военной академии Генерального штаба во второй половине 1840-х – начале 1850-х гг. Наконец, в 1856 г. он возглавил штаб Кавказской армии (1856–1860) и стал непосредственным участником

военно-политических событий завершающего этапа Кавказской войны [18].

Материалы и методы. Личность Д. А. Милютина, его военная служба на Кавказе, а также подготовленные им кавказские материалы уже неоднократно становились предметом изучения историков. В поле зрения исследователей попадали в первую очередь воспоминания и аналитические записки, в которых Милютин анализировал причины и характер Кавказской войны, пытался разобраться в обстоятельствах неудач силовых действий в регионе, предлагал военно-технические усовершенствования и меры по повышению эффективности российской политики в крае [2; 23]. Военно-стратегическим взглядам Милютина, его видению решения вопроса «умиротворения» Кавказа посвящен недавно вышедший из печати документальный сборник [4]. Гораздо меньше внимания уделяется этнографическим сюжетам в творческом наследии военного исследователя. Хотя Д. С. Ткаченко исследовал его нарративы в контексте влияния на них ориенталистского дискурса [21; 22], вопрос участия Милютина в формировании этнографического направления отечественного кавказоведения заслуживает продолжения изучения.

В рамках настоящей статьи проанализируем представления Д. А. Милютина о горских народах Северного Кавказа, их общественном устройстве, социальных и бытовых особенностях, духовной культуре, традициях и менталитете. Выявим, насколько полно они отражали местные реалии и расширяли знание об этнографии региона. Такой ракурс рассмотрения творческого наследия Милютина позволит взглянуть на него не только как на военного и государственного деятеля, принимавшего непосредственное участие в интеграции новой окраины России, но и как на ученого, влиявшего на развитие отечественного кавказоведения.

Описание народов Северного Кавказа нашло отражение главным образом в трудах Милютина военно-статистического и историко-этнографического характера. Некоторые из них опубликованы [8–10]. При этом другая часть хранится в личном фонде Милютиных (Ф. 169) в Научно-исследовательском отделе рукописей Российской государственной библиотеки и пока недостаточно осмыслена исследователями. Речь идет о «Материалах по истории Кавказа», которые Дмитрий Алексеевич подготовил в конце 1830-х – 1840-е гг. в ходе написания им военной истории региона (про-

ект не был завершен [7]). Непосредственное отношение к этнографии имеют черновые автографы таких очерков, как: «Подробности о набегах горцев» [14, л. 1–6] (был включен Милютиным в его воспоминания и вместе с ними опубликован [9]), «Общий взгляд на разнообразие кавказских племен» [14, л. 7–13], «Заметки о племенах кавказских. Кабарда» [15, л. 1–29], «Чечня» [16, л. 1–93] и «Некоторые заметки о народах Дагестана» [17, л. 7–13].

Источниками для их создания стали документы архивов военных учреждений Кавказа, прежде всего г. Ставрополя и г. Тифлиса, доступ к которым для Милютина был открыт в силу занимаемого служебного положения. Опираясь он также на свои личные наблюдения и данные, получаемые от сослуживцев горского происхождения, например майора Я. Шарданова. Анализ созданных Милютиным кавказских нарративов с позиций исторической имагологии позволит понять и объяснить особенности репрезентации им северокавказских горцев.

Важным дополнением к текстам выступают походные рисунки Милютина. Среди них встречаются зарисовки местных жителей и реалий их повседневной жизни. Выполненные с натуры в технике рисования карандашом и не отличающиеся каким-либо особым мастерством, они показывают стремление автора увидеть и понять специфику мира «другого», которым представлялся ему Кавказ [11].

Рис. 1. Горец-проводник [11, л. 8] /
Fig. 1. Highlander Guide [11, p. 8]

Анализ. Кавказские нарративы Милютин, как человека военного имели в первую очередь прикладной характер и включали в себя важные сведения для понимания стратегических и тактических аспектов ведения боевых действий в регионе.

Наряду с характеристикой географических, топографических и политических особенностей Кавказа в фокусе его рассмотрения оказались также вопросы этнического разнообразия края.

В лекциях по военной статистике Кавказа местное население Милютин систематизирует по географическому принципу (Закавказский край, Дагестан, восточный берег Черного моря) и одновременно по степени лояльности к российской власти. Отдельно он останавливается на характеристике многочисленных племен северных покатоств Главного Кавказского хребта, как независимых, так и покорных. «За Кубанью – почти все население гор, а частью и лесистой плоскости, остается и ныне независимым: оно известно у нас под общим именем закубанцев, или черкесов, хотя и состоит из различных племен» [8, с. 24–25], – пишет Милютин. За р. Сунжей, в обширных лесах Чеченской плоскости и в горах проживали враждебные российской власти чеченцы, кистинцы и отчасти ингуши, между низовьями рек Терека и Сулака, на побережье Каспийского моря – подконтрольные кумыки, между предгорьями Эльбруса и верховьями р. Сунжи – кабардинцы, давно признавшие себя подданными России, в горах Центрального Кавказа – осетины, тоже покорные российскому императору [8, с. 25].

Такие же краткие сведения приводит Милютин о расселении народов Северо-Восточного Кавказа, хотя именно с этой частью региона была связана его служба на рубеже 1830–1840-х гг. В сочинении «Описание военных действий 1839 года в Северном Дагестане» он дает следующую локализацию местного населения: «К стороне Терека живут нахчи, известные у нас под именем чеченцев; к стороне моря – большая часть края населена лезгинами. Два эти племени разделены между собою высоким хребтом Андийским... Между низовьями Терека и Сулака верст на пятьдесят простирается равнина, которой восточная часть, ближайшая к морю, песчаная и болотистая, служит только для кочевья ногайцам; а западная более плодородная, занята кумыками...» [10, с. 5].

Обладея аналитическим складом ума, Милютин аргументированно обосновывал влияние географического фактора на исторические судьбы местных народов, их этнический состав и гражданское устройство. «В тех недоступных частях Дагестана, которые избегали владычества стольких завоевателей, население принадлежит исключительно к племени лезгинскому, хотя и подразделяется на множество мелких племен или обществ, чрезвычайно различающихся между собой наречиями языка» [10, с. 12–13], – отмечал он.

Рис. 2. Лезгин [11, л. 59] / Fig. 2. Lezgin [11, p. 59]

Изолированность от внешнего мира, по его мнению, позволила жителям гор сохранить свои архаичные социальные институты: «каждое селение выбирает себе старшин, а несколько селений, составляющих вместе общество, управляются кадием; иногда же несколько малых обществ вместе составляют союз» [10, с. 13]. В лезгинских обществах Милютин не заметил разделения на сословия, а на положение в обществе влияли личные качества или родственные связи [10, с. 13].

Напротив, в равнинной части Дагестана, которая была более доступна внешнему воздействию, завоеватели оказали непосредственное влияние на этнические процессы, а «в гражданском устройстве тут утвердилась наследственная власть ханов или других владетелей, а вместе с тем и различие сословий» [10, с. 13].

Не менее интересны размышления Милютина о взаимосвязи между природно-географическими особенностями края и хозяйственно-экономическим укладом его жителей. В неопубликованном описании Чечни он развивает мысль о прямой зависимости уровня благосостояния горцев от места их локализации: «Касательно степени народного богатства и домашнего довольства, должно заметить постепенность, зависящую от положения края, перехода от плоскости к горам. В лучшем состоянии находится обширная плоскость, особенно надтеречная и присунженские аулы: у них есть и хорошее скотоводство, и хлебопашество в лучшем состоянии, ибо чеченцы, обитающие на равнине и по открытым местам меньше хищные и более трудолюбивые горцы» [16, л. 29].

По наблюдениям Милютина, земледелие было более характерно для жителей на равнине,

нежели в горах. При этом чеченцы не были хорошими хлебопашцами, хотя выращивали кукурузу, просо, пшеницу и ячмень [16, л. 12об.]. Из огородных культур они культивировали лук, огурцы, черешу, арбузы, дыни и тыквы; в иных местах собирали груши, а в некоторых разводили табак, но в малом количестве. Плодородие почвы позволяло не заботиться об удобрениях [16, л. 13].

Жители гор занимались преимущественно скотоводством, которое по утверждению Милютина и составляло основу их хозяйственной жизни: «в горах овцы содержатся для их шерсти, из которой горцы выделывают сукна, бурки, ковры и на них выменивают себе хлеб от жителей плоскости... Кроме овец, есть козы, но не в большом количестве. Катера (мулы) и ишаки (порода ослов) довольно в большом количестве в горах. Лошадей очень мало...» [16, л. 13–13 об.].

Скотоводство развивалось и в горах Дагестана, хотя из-за рельефа местности было весьма затруднено: «скот, составляющий здесь главное богатство народа, также с трудом может довольствоваться круглый год подножным кормом» [10, с. 11]. При этом местные жители находили возможность заниматься земледелием в его террасной форме.

Отдельную отрасль хозяйственной деятельности горцев составляло пчеловодство, которое, по словам Милютина, «процветает в горах: воск и мед составляют один из виднейших предметов меновой торговли горцев с обитателями равнин» [16, л. 13–13об.].

Рис. 3. Чеченцы [11, л. 37] / Fig. 3. Chechens [11, p. 37]

Как и большинство авторов XIX в., Милютин подчеркивал умеренность горцев в еде. Из его описания Чечни узнаем: «...Хлеб их – чурек (печенки мек) делают из просяной муки, смешанной частью с пшеничной; у некоторых же (чарбили и др.) – из ячменной муки и особой пшеницы, похожей на полбу. Самое лакомое их кушанье после

баранины (которую подают только на пиршествах по особым случаям и праздникам), состоит из пшена, вареного на воде и обжаренного на бараньем сале» [16, л. 29]. Ежедневный рацион питания включал овощи, фрукты и кисломолочные продукты, что укрепляло здоровье и помогало избежать многих болезней.

Интересны характеристики Милютина по поводу отношения горцев к алкогольным напиткам. В описании чеченцев он замечает, что «вина виноградного не пьют, но хлебное вино употребляют в таком изобилии, что трудно поверить; они пьют также голый спирт нашими стаканами, не пьянея. Они делают род пива, известного у них под именем сира, и мед сладкий под названием бал-бузе (у ингушей – милкар)» [16, л. 29].

Однако это не мешало горцам поддерживать хорошую физическую форму, что также подчеркивает Милютин: «Чеченцы, как и все кавказские обитатели очень стройны, ловки и проворны; между ними, например, не видно толстых людей, и тучность у них в презрении. Ростом они большей частью более среднего, цвет волос более русый; глаза пронзительные, нос несколько согнутый. Чеченцы всегда бреют голову, но оставляют бороду. Одежда у них как у черкесов, кабардинцев и кумыков: черкеска с рядами для патронов, меховая шапка с полушарною верхушкой, джигиты носят узкие ноговицы и чувяки... Ходят в широких шароварах и сверху черкеска нараспашку» [16, л. 25об.].

Рис. 4. Чеченец в своем ауле [11, л. 38] /
Fig. 4. Chechen in his village [11, p. 38]

В работах Милютина мы встречаем также указание на особое, даже сакральное отношение горцев к оружию. Его набор был типичен для различных этнических групп и включал ружье, шашку и пистолет [16, л. 25об.].

Не обошел Милютин своим вниманием также женскую половину горского общества. В текстах и в рисунках он далек от какой-либо романтизации женских образов, его характеристики максимально приземлены и прагматичны:

«...Женщин на домашнюю работу одевают очень неизящно: на шаровары набрасывают цветную рубашку, которая спускается немного ниже колен, на голову надевают большой платок. Нарядный же их костюм состоит из чекменя, подпоясанного кушаком; расшит украшениями на шее; а на голове шапочка, повязанная платком» [16, л. 26].

Рис. 5. Кумычка за домашней работой [11, л. 11] /
Fig. 5. Kumyk woman doing housework [11, p. 11]

В рукописях Милютина находим также описание поселений и жилищ в различных частях Северного Кавказа. В их устройстве, по наблюдениям автора, было много общего: «Кабардинцы живут довольно просто: жилища их похожи на чеченцев и черкесов, т. е. состоят из мазанок (турлучных изб), обмазанных глиной, большая часть с плоской крышей и галереей спереди. Каждый двор имеет отдельное устройство, огорожен плетнем и занимают в середине несколько разных изб...» [15, л. 11об.]. Эти постройки имели разное назначение: «в одном жилище живет сам хозяин, где принимает своих гостей, это его кунацкая (гостиная), в другой есть женская половина; наконец, оставшиеся – для прислуги и домашних заведений» [16, л. 26]. Плоские крыши в домах горцев придавали аулам необыкновенный вид, который Милютин запечатлел в своих походных рисунках.

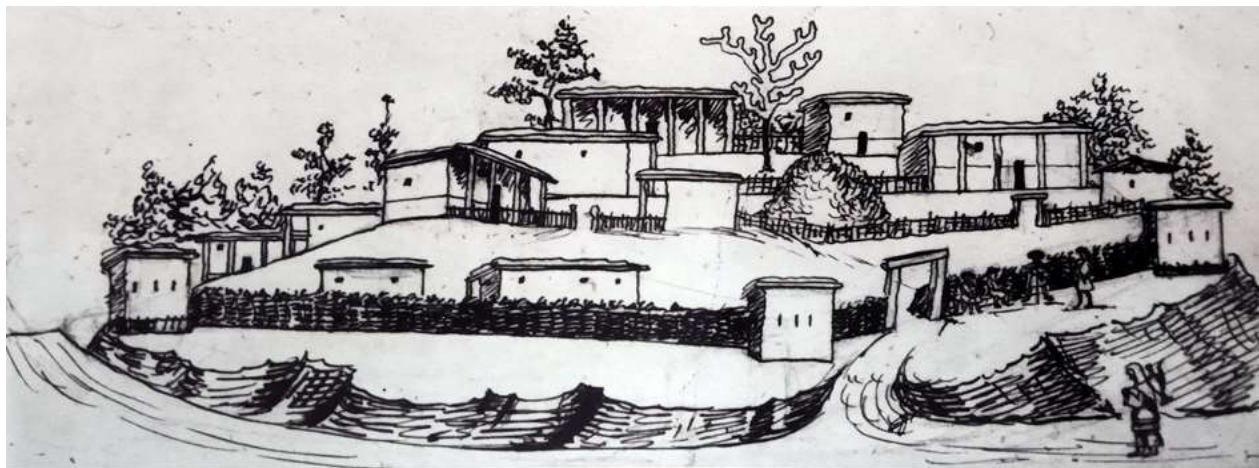

Рис. 6. Чеченский аул [11, л. 34] / Fig. 6. Chechen village [11, p. 34]

По его оценке, постройка горцами жилищ не требовала ни много трудов, ни много времени: «...Они вбивают в землю несколько столбов, по углам и в середине стен, сверху их накрывают горизонтальными перекладинами – расходящимися балками, затем промежутки между столбами заделывают хворостом – как у нас плетнем; на балки накладывают доски; хворост обмазывают глиной и выбеливают, а на крышу накладывают земли и затрамбовывают. В потолке оставляют отверстие для трубы, проведенной из прочной ниши в одной из стен, заменяющей камин. Размеры этих построек очень малы, а потому и работа кончается очень скоро. Внутри же нет никакой почти работы: вместо пола земля утрамбовывается также как и крыша...» [16,

л. 27–27об.]. К этому Милютин добавляет дешевизну строительного материала, который горцы находят на месте. Такой подход к сооружению жилищ доставлял немалые трудности российским военным, поскольку позволял горцам без особого сожаления покидать свои дома в случае внешней опасности.

Иного рода были жилища, устраиваемые горцами в горах. В самых дальних ущельях Кавказского хребта сакли представляли собой низкие каменные постройки, сложенные из неотесанного камня, слоев глины, с плоскими крышами и покрытые землей [16, л. 28]. Такие аулы были несравненно сильнее и неприступнее, чем на плоскости, и требовали немалых ресурсов для приведения их жителей к покорности.

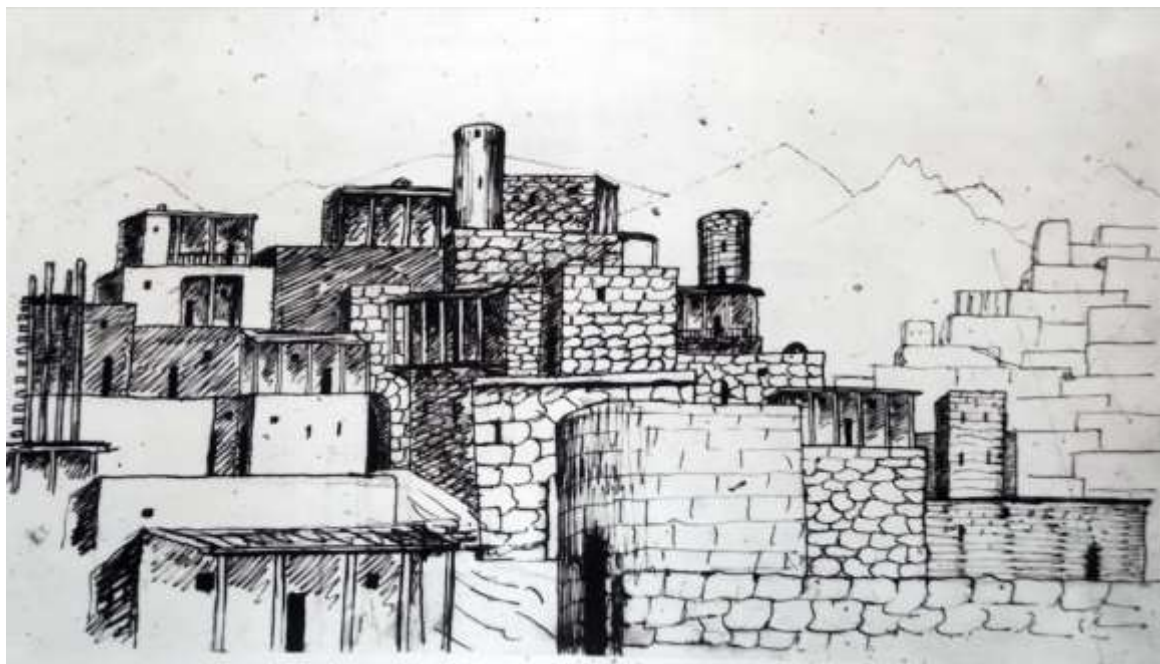

Рис. 7. Лезгинский аул [11, л. 61] / Fig. 7. Lezgin village [11, p. 61]

Присущий горцам аскетизм и неприхотливость в обыденной жизни Милютин объясняет особенностями того исторического пути, который

пришлось им пройти. «Некоторые части края служили почти во все времена театром войн между государствами соседними, оспаривавши-

ми друг у друга владычество: тут местное народонаселение было постоянно жертвой обоих противников... Влияние постоянного тяжкого ига оставило глубокие следы в самих нравах и быте народонаселения, привыкшего в течение столетий к угнетению и бедствиям войны непрерывной» [8, с. 21–22].

В целом представления о горских нравах у Милютина в полной мере коррелируют со взглядами других военных исследователей региона. По меткому замечанию Т. А. Булыгиной, их нарративы отличало «понимание “другого” как враждебного и безоговорочная поддержка цивилизаторской миссии России по отношению к Кавказу» [1, с. 382]. Отсюда тезисы Милютина о горской лености, беспечности, «духе своеволия и хищничества» [16, л. 28об.].

В описании Чечни главными чертами характера местных жителей показываются «...коварство и вероломство, недоверчивость и вместе с тем легкоеверие, мстительность, корыстолюбие, склонность к праздности; ненависть ко всякой власти и зависимости» [16, л. 33об.]. Создаваемый Милютиным образ горца должен был легитимизировать и оправдать силовую политику России в регионе, сформировать представление о местном населении не как о представителях иной культуры, а как о диких разбойниках, мешающих утверждению здесь российского присутствия. «...Они любят одну свободу и своеволие, – характеризует Милютин жителей Чечни, – не уважают никаких гражданских и имущественных уз, ни данного ими слова и никогда не обуздывают своих страстей; не дорожа наукой и, получая воспитание воинственное, или лучше сказать – разбойничье, они бросаются на всё по первому внушению страстей без размышлений о последствиях» [16, л. 34].

Культом свободы и независимости в горских обществах, по оценке Милютина, был доведен до фанатизма. К этому он добавляет, что горцы неприхотливы и, как уже было отмечено выше, готовы довольствоваться малым в устройстве жилища, в одежде и в системе питания: «...Удивительно как малым довольствуется он [чеченец. – Т. К.] во всех отношениях; лишь бы было у него оружие и воля – вот все, чего он желает; все остальные удобства жизни, безопасность гражданская, счастье семейное или вовсе ему неизвестны или кажутся ему ребячьими игрушками, ибо, по его мнению, оружием и удалством приобретает все остальное» [16, л. 34]. Так, характеризуя местные нравы и образ жизни, Милютин неминуемо выходит на рассмотрение такой важной составляющей военной повседневности горцев, как набег (в терминологии российской администрации того времени «хищничество»).

Горским набегам военные авторы уделяли особое внимание, поскольку они стали главной проблемой в деле обеспечения безопасности гражданского населения новой окраины империи. Не было исключением в этом отношении и Милютин, который дал свое объяснение этого феноме-

на. Он выделял две формы набега: большими партиями и мелкими группами. При этом успех предприятия в обоих случаях зависел от двух факторов: качества коня и внезапности нападения [9, с. 308]. В подробной информации о подготовке горского набега у Милютина можно найти весьма ценные наблюдения этнографического характера.

По его оценке, у закубанских и затеречных горцев набеги составляли «любимое занятие, род спорта молодежи, князей и беков (там, где существует аристократический склад), узденей и вообще людей вольных, т. е. того класса населения, который проводит всю жизнь в праздности, представляя домашние заботы женщинам, а тяжелые работы земледельческие низшему классу “ясырей” и рабам, т. е. пленным» [9, с. 309]. Более того, по наблюдениям Милютина, участие в набеге представляло для горца определенную форму социализации, самоутверждения в обществе: «только удалством, рискованными боевыми подвигами приобретаются у горцев почет и уважение» [9, с. 309]. Поэтому целью горских набегов было не только получение добычи, но и желание горца прославиться: «Чеченец не понимает удовольствий жизни мирной, семейной, рабочей; он глубоко презирает этот образ жизни; между чеченцами никаким другим не приобрести уважения и веса, как удалством, без этого человек играет меж ними самую жалкую роль; даже ни одна девушка не пойдет за него замуж» [16, л. 34об.].

Рис. 8. Абрек [11, л. 51] / Fig. 8. Abrek [11, p. 51]

В описании Чечни Милютин дает характеристику отдельной категории людей, для которых разбой стал образом жизни: «Весь край наполнен абреками, т. е. людьми, которые оставив свою де-

ревню, свое семейство, свой дом, посвящают себя на хищничество, убийство и целую жизнь бродят по лесам, стерегут добычу или собираются шайками и открыто идут на грабеж. Леса Чечни способствуют им в предприятиях и служат им убежищем. Абреки всегда составляют главную часть в вооруженных скопищах, собирающихся часто против русских; они всегда готовы к войне, они ничем не связаны. По первому призыву какого-нибудь вожака партий, лжеучителя, бунтовщика или просто славного разбойника, они толпами с радостью бегут на сборный пункт и с нетерпением ждут времени идти на бой» [16, л. 36].

Следует отметить, что восприятие военными авторами горцев не было столь однозначным, как это может показаться на первый взгляд. Это не был только «образ врага», с которым приходилось воевать. Наряду с активным неприятием «хищничества», в работах Милютин прослеживается желание не только понять и объяснить, но и романтизировать этот феномен. По его наблюдениям, горцы занимались «хищничеством» как из корыстных побуждений, так и «просто по страсти к романтическим похождениям и к удалству, как бывало рыцари в Средние века» [16, л. 36об.]. «Есть поэзия в этих дикарях, в их кочевой, беспокойной жизни, — замечал он в описании Чечни. — Какой-нибудь молодец или принужденный по какой-нибудь причине оставить свой аул, опасаясь мщения слишком большого числа врагов или просто наскучив жизнью, желая опасности и смерти, садится на коня и отправляется искать приключений, опасностей, ссор и крови; они уже не разбирают никого и без всякой причины льют кровь для одного убийства, безо всякой другой побудительной цели...» [там же].

Милютину удалось избежать примитивного взгляда на горцев как на «людей, одержимых каким-то беснованием, чем-то вроде воспаления в мозгу, людей, режущих направо и налево, пока самих их не перережет новое поколение беснующихся» [24, с. 5]. Преодолеть этот стереотип, справедливо критиковавшийся известным кавказоведом П. К. Усларом, помог критический подход Милютин к изучению традиционного горского уклада, рассмотрение его во всем многообразии проявлений. Значительное место в текстах Милютин отводится характеристике тех местных обычаев, которые выступали в качестве сдерживающих механизмов и средств поддержания порядка в горском обществе.

В этом отношении заслуживает внимания оценка Милютиным института кровной мести: «Как ни ужасен и гибелен, кажется, в глазах наших обычай кровомщения (канла), однако должно сказать, что при настоящем диком положении края, при недостатке личного обеспечения, гражданственности и общественности, кровомщение имеет с некоторой стороны выгодное влияние, ибо заменяет собой законные и полицейские постановления, для отвращения

или, по крайней мере, для уменьшения преступлений...» [16, л. 37].

Такую же роль нормализации отношений в горских обществах, по мнению Милютин, выполнял институт куначества, который, культивируя уважение к правилам гостеприимства, удерживал горцев от совершения разных преступлений [16, л. 37–37об.].

В текстах Милютин можно встретить немало сюжетов, которые привлекут внимание этнографа. В фокусе его рассмотрения оказались семья и семейные отношения в традиционных горских обществах (в том числе половозрастное разделение труда и положение женщины), вопросы воспитания молодежи, суда и судопроизводства, религии, организации медицины и многое другое. Но рассматривал их Милютин не как ученый, а как практик, пытающийся понять причины успехов и неудач той политики, которую проводила в отношении горского населения Северного Кавказа российская администрация. Например, характеризуя особенности семейного уклада чеченцев, Милютин приводил свою версию, объясняющую причины неэффективности института аманатства, к которому часто прибегали военные для установления контроля над горцами. По его мнению, «лошадь и оружие в жизни горцев такие вещи, которые не продаются, поэтому залог ружьями гораздо важнее, чем выдача аманатов, которыми они мало дорожат, по недостатку семейной связи между ними; родство у них не очень уважают и немного найдется у них чадолюбивых отцов или привязанных супругов» [16, л. 34об.–35].

Вопросы происхождения кавказских народов Милютин хотя и затрагивал, но глубокого анализа не давал. Изучая край специально с точки зрения военной, он не ставил перед собой такой задачи, не желая углубляться в предмет, по которому, по его словам, «самые глубокие ученые исследования еще не могли разъяснить много вопросов темных» [8, с. 20].

Несмотря на поверхностность этнографических характеристик, Милютину удалось показать главное — этническое многообразие и специфику традиционного уклада жителей Северного Кавказа. Знание о горцах, по его мнению, должно было помочь «покорить и укротить такой народ, который, обитая в стране недоступной и сохранив первобытную свою энергию и воинственность, с искони веков привык к привольной, необузданной жизни и не подчинен никаким уставам гражданственности» [12, л. 3об.]. При этом главным средством должно было стать моральное влияние, а не сила оружия: «Потребны целые столетия, чтобы подобный народ постепенно довести до совершенной покорности, т. е. до морального убеждения в пользе и необходимости оной; ибо вооруженное занятие страны и владычество над народом одной силой оружия составляют только средство второстепенное, которое всегда стоит очень дорого и

притом не всегда ведет к предполагаемой цели, часто, напротив того, оно навеки порождает народные ненависти и делает уже навсегда не-

возможным достижение истинной, т. е. моральной покорности» [там же].

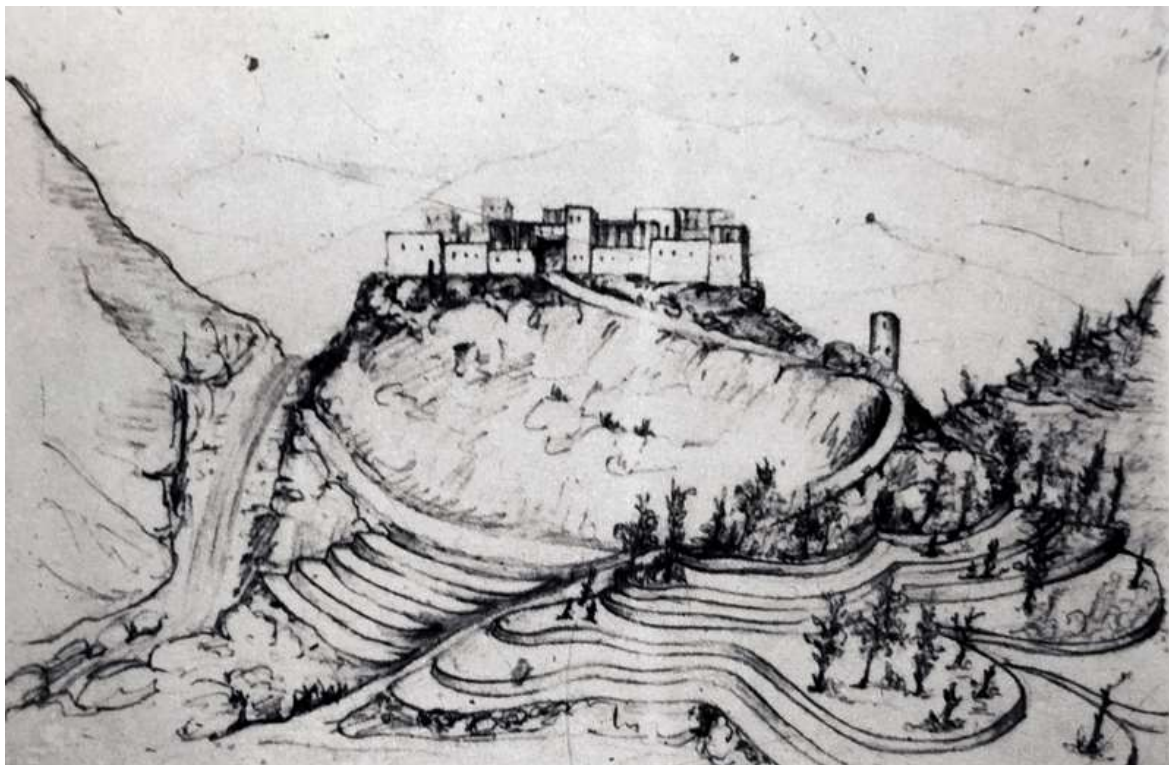

Рис. 9. Лезгинский аул снаружи [11, л. 63] / Fig. 9. Lezgin village from the outside [11, p. 63]

Характеризуя свои этнографические штудии 1830–1840-х гг. Милютин подчеркивал: «Мое дело только дать общее, так сказать, наглядное понятие о стране, тем более, что в этом краю и невозможно до сих пор слишком углубляться в ученые изыскания» [16, л. 11]. Ситуация изменилась на завершающем этапе Кавказской войны, когда в 1856 г. Милютин был назначен начальником штаба Кавказской армии. С расширением подконтрольных России территорий у него появилась возможность сосредоточить усилия не только на военных и гражданских преобразованиях в крае, но и на организации здесь научных исследований. Обладая мощным административным ресурсом, он планировал создать в г. Тифлисе историческую комиссию (прообраз будущей Кавказской археографической комиссии) и активизировать статистические исследования в крае.

2 апреля 1858 г. Кавказский отдел императорского Русского географического общества (далее – РГО) в общем собрании выбрал Милютина своим председателем. Его непосредственный начальник, главнокомандующий Кавказской армией князь А. И. Барятинский был уверен, что своим участием Милютин усилит научную деятельность отдела, «обращенную на пользу отечественного просвещения» [13, л. 1об.]. При поддержке Милютина Кавказский отдел РГО стал важным центром организации и экспертизы результатов этнографических исследований. Его регулярные заседа-

ния ориентировали местных этнографов на правдивое и точное описание народов, «с устранением поэтических прикрас» [6, с. 37].

Активно развивающаяся служебная карьера Милютина не позволила ему реализовать как ученому-кавказоведу. В 1860 г. он был назначен товарищем военного министра и покинул Кавказ. При этом собранные материалы, в том числе его этнографические записки, были переданы историку Н. Ф. Дубровину. В том, что первый том его обобщающего труда по истории присоединения Кавказа к России включал обширный этнографический обзор народов региона, явно прослеживается милютинское влияние.

Результаты. Анализ творческого наследия Милютина показывает его глубокий интерес к миру горцев Северного Кавказа. При этом необходимо отметить, что это был взгляд военного и определялся он исключительно практическими целями – поиском путей «умиротворения» и интеграции края в государственное пространство Российской империи.

Как большинство военных авторов своего времени Милютин не избежал стереотипных представлений о горцах, а созданный им образ «другого» показывал их в качестве противников утверждения российского присутствия в регионе. Заслуга Милютина в том, что своими кавказскими нарративами он готовил почву для постепенного перехода от представления о горцах как о врагах к

принятию их в качестве новых подданных империи. Собранные им этнографические материалы позволяли лучше понять местное население Северного Кавказа и выработать верную стратегическую линию взаимодействия с ними. Главная идея Милютинина – не покорение, а удержание в повиновении разумной политикой, основанной на глубоком и всестороннем знании специфики региона.

Исследовательские практики Милютинина свидетельствуют о понимании российской админи-

страцией на Кавказе важности этнографического изучения региона и формирования организационной рамки такой деятельности. Не случайно, что такие «кавказские» практики, как Милютин, задавали тон в работе Кавказского отдела императорского РГО, а подготовленные им этнографические материалы вошли в состав той эмпирической базы, на основе которой в дальнейшем стало развиваться этнографическое направление отечественного кавказоведения.

Литература

1. Булыгина Т. А. Образ «другого» в текстах «кавказцев» XIX века. Опыт сравнения // Опальные: Русские писатели открывают Кавказ. Антология: в 3 т. / под ред. В. А. Шаповалова, К. Э. Штайн. Ставрополь: Изд-во СГУ, 2010. Т. 1. С. 381–384.
2. Габелко Д. Е. «Единственный путь к достижению какого-нибудь результата – есть действие на нравственные силы нации»: Д. А. Милютин о средствах утверждения русского владычества на Кавказе // Военно-исторический журнал. 2018. № 4. С. 77–80.
3. Гакстаузен А. Закавказский край: заметки о семейной и общественной жизни и отношениях народов, обитающих между Черным и Каспийским морями. М.: Кучково поле, 2018. 336 с.
4. Дмитрий Милютин о Кавказе: рапорты, записки, особые мнения: сборник документов / авт.-сост.: С. Б. Манышев, В. М. Муханов. М.: Изд-во Кучково поле; ИКС-ИСТОРИЯ, 2024. 448 с.
5. Дударев Д. С., Дударев С. Л. Северный Кавказ глазами представителей российского общества первой половины – середины XIX века. Армавир; Ставрополь: Дизайн-студия Б, 2017. 402 с.
6. Загурский Л. П. Краткий обзор 25-летней деятельности Кавказского отдела по этнографии // Кавказский отдел императорского Русского географического общества с 1851 по 1876. Тифлис: Типография Главного управления, 1876. С. 33–46.
7. Колосовская Т. А. Д. А. Милютин и его кавказские материалы: о первых опытах создания военно-политической истории Кавказа // Вестник РГГУ. Серия «История. Филология. Культурология. Востоковедение». 2017. № 1(22). С. 9–19.
8. Милютин Д. А. Краткий очерк Кавказского края в военном отношении: из лекций полковника Милютинина в императорской Военной академии. СПб., 1848. 175 с.
9. Милютин Д. А. О набегах и хищничествах кавказских горцев // Милютин Д. А. Воспоминания. 1816–1843. М.: Студия «ТРИТЭ» – «Российский Архив», 1997. С. 306–314.
10. Милютин Д. А. Описание военных действий 1839 года в Северном Дагестане. СПб.: Типография военно-учебных заведений, 1850. 155 с.
11. Научно-исследовательский отдел рукописей Российской государственной библиотеки (далее – НИОР РГБ). Ф. 169. К. 1. Д. 12.
12. НИОР РГБ. Ф. 169. К. 18. Д. 13.
13. НИОР РГБ. Ф. 169. К. 71. Д. 76.
14. НИОР РГБ. Ф. 169. К. 81. Д. 3.
15. НИОР РГБ. Ф. 169. К. 81. Д. 5.
16. НИОР РГБ. Ф. 169. К. 81. Д. 7.
17. НИОР РГБ. Ф. 169. К. 81. Д. 19.
18. Осипова М. Н. Великий русский реформатор фельдмаршал Д. А. Милютин. М.: Animi Fortitudo, 2005. 320 с.
19. «Свое – чужое» в социокультурном пространстве Северного Кавказа: хрестоматия / отв. ред. Т. А. Булыгина. Ставрополь: Изд-во СКФУ; Дизайн-студия Б, 2016. 368 с.
20. Тарле Е. В. Крымская война: в 2 т. М.: Изд-во АСТ, 2005. Т. 1. 606 с.
21. Ткаченко Д. С. Описание Кабарды Д. А. Милютинина в контексте становления кавказского варианта российского ориентализма // Кавказология. 2023. № 3. С. 251–264.
22. Ткаченко Д. С. Фронтальный ориентализм в описаниях Д. А. Милютинина Северного Кавказа в 40-е гг. XIX в. // Журнал фронтальных исследований. 2023. № 4. С. 48–71.
23. Урушадзе А. Т. Кавказская война в сочинениях Д. А. Милютинина // Военный сборник. 2013. Т. 2. № 2. С. 163–168.
24. Услар П. К. Кое-что о словесных произведениях горцев // Сборник сведений о кавказских горцах. Тифлис, 1868. Вып. I. С. 3–42.
25. Jersild A. Orientalism and empire: North Caucasus mountain peoples and the Georgian frontier, 1845-1917. Montreal & Kingston: McGill-Queen's University Press, 2002. 253 p.

References

1. Bulygina TA. The Image of the "Other" in the Texts of the "Caucasians" of the 19th Century. An Experiment in Comparison in Disgraced: Russian Writers Discover the Caucasus. Anthology: In 3 volumes / Ed. by V. A. Shapovalov, K. E. Stein. Stavropol: SSU Publishing Hous; 2010;(1):381-384. (In Russ.).
2. Gabelko DE. "The only way to achieve any result is to act through the moral strength of the nation": DA. Milyutin on means of establishing Russian rule in Caucasus. History issues. 2018;4:77-80. (In Russ.).
3. Haxthausen A. Transcaucasian region: notes on family and social life and relations of peoples living between the Black and Caspian seas. Moscow: Kuchkovo pole; 2018. 336 p. (In Russ.).
4. Dmitry Milyutin on the Caucasus: reports, notes, special opinions. Collection of documents / authors-compilers SB. Manyshchev, VM. Mukhanov. Moscow: Kuchkovo Pole Publishing House; IKS-HISTORY; 2024. 448 p. (In Russ.).

5. Dudarev DS, Dudarev SL. The North Caucasus through the eyes of representatives of Russian society of the first half – mid-19th century. Armavir; Stavropol: Design Studio B; 2017. 402 p. (In Russ.).
6. Zagursky LP. Brief overview of 25 years of activity of the Caucasus Department of Ethnography in Caucasus Department of the Imperial Russian Geographical Society from 1851 to 1876. Tiflis: Printing House of the Main Administration; 1876. Pp. 33-46. (In Russ.).
7. Kolosovskaya TA. DA. Milutin and his Caucasian materials: on the first attempts to create a military-political history of the Caucasus. Bulletin of the Russian State University of Economics. The series "History. Philology. Cultural studies. Oriental Studies". 2017;1(22):9-19. (In Russ.).
8. Milyutin DA. Brief outline of the Caucasian region in military terms: from lectures of Colonel Milutin at the Imperial Military Academy. St. Petersburg; 1848. 175 p. (In Russ.).
9. Milyutin DA. About the raids and predations of the Caucasian highlanders in Milyutin DA. Memories. 1816–1843. Moscow: Studio "TRITE" – "Russian Archive"; 1997. P. 306-314. (In Russ.).
10. Milyutin DA. Description of military actions in 1839 in Northern Dagestan. St. Petersburg: Printing house of military educational institutions; 1850. 155 p. (In Russ.).
11. Research Department of Manuscripts of the Russian State Library (RDMS RSL). F. 169. K. 1. D. 12.
12. NIOR RSL. F. 169. K. 18. D. 13.
13. RDMS RSL RSL. F. 169. K. 71. D. 76.
14. RDMS RSL RSL. F. 169. K. 81. D. 3.
15. RDMS RSL RSL. F. 169. K. 81. D. 5.
16. RDMS RSL RSL. F. 169. K. 81. D. 7.
17. RDMS RSL RSL. F. 169. K. 81. D. 19.
18. Osipova MN. The Great Russian Reformer Field Marshal DA. Milyutin. Moscow: Animi Fortitudo; 2005. 320 p. (In Russ.).
19. "Own – Alien" in the Sociocultural Space of the North Caucasus: Reader / ed. TA. Bulygina. Stavropol: NCFU Publishing House; Design Studio B; 2016. 368 p. (In Russ.).
20. Tarle EV. Crimean War. In 2 volumes. M.: Publishing house AST; 2005. T. 1. 606 p. (In Russ.).
21. Tkachenko DS. Description of Kabarda by DA. Milyutin in the context of the formation of the Caucasus version of Russian orientalism. Caucasology. 2023;3:251-264. (In Russ.).
22. Tkachenko DS. Frontier orientalism in D. A. Milyutin's descriptions of the North Caucasus in the 1840s. Journal of Frontier Studies. 2023;(4):48-71. (In Russ.).
23. Urushadze AT. Caucasus War in the Works of DA. Milyutin. Military collection. 2013; 2(2):163-168. (In Russ.).
24. Uslar PK. Something about the verbal works of the highlanders in Collection of information about the Caucasus highlanders. Tiflis\$ 1868. Issue I. P. 3-42. (In Russ.).
25. Jersild A. Orientalism and empire: North Caucasus mountain peoples and the Georgian frontier, 1845-1917. Montreal & Kingston: McGill-Queen's University Press; 2002. 253 p.